

Николай Бородин

Мартовская революция

Николай Андреевич Бородин

Мартовская революция

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8650275

Аннотация

«В Петербурге, вскоре переименованном по случаю войны с Германией в Петроград... царило громадное патриотическое воодушевление, центром которого была, несомненно, Государственная дума, в которой все партии, кроме крайних левых, объединились на вопросе войны с Германией. Заседания Государственной думы того времени привлекали громадное количество публики, блистали речами лучших ораторов и были торжественны по обстановке: на них почти всегда присутствовали представители держав – наших союзников, в честь которых устраивались в связи с речами громкие овации. Не обошлось и без личных сцен выражения неприязни к врагам-немцам: как известно, уличная толпа разгромила здание германского посольства, что на Мариинской площади...»

Содержание

Н. А. Бородин

Мартовская революция

В Петербурге, вскоре переименованном по случаю войны с Германией в Петроград... царило громадное патриотическое воодушевление, центром которого была, несомненно, Государственная дума, в которой все партии, кроме крайних левых, объединились на вопросе войны с Германией. Заседания Государственной думы того времени привлекали громадное количество публики, блистали речами лучших ораторов и были торжественны по обстановке: на них почти всегда присутствовали представители держав – наших союзников, в честь которых устраивались в связи с речами громкие овации.

Не обошлось и без личных сцен выражения неприязни к врагам-немцам: как известно, уличная толпа разгромила здание германского посольства, что на Мариинской площади.

Все интересы партий и общественных групп отныне вращались вокруг вопроса войны. Все государственные средства направлены были во всепоглощающее русло колоссально разросшегося бюджета военных снаряжений; ряд намеченных Государственной думой широких планов внутреннего строительства и мирной культуры – по всеобщему образованию, по содействию сельскому хозяйству и пр. – при-

шлось отложить на неопределенное время в силу бюджетных сокращений по всем ведомствам, кроме военного. Мобилизация сразу забрала массу научных и просветительных работников, превращенных ускоренным темпом в офицеров и техников военного дела.

Громадное большинство интеллигентной молодежи шло на возможную смерть в боях с полным сознанием патриотического долга и со страстным желанием победы, что отвечало господствующему настроению интеллигенции вообще. Но были среди нее и среди призванной в строй молодежи так называемые «пораженцы», т. е. приверженцы того ненормального течения русской общественной мысли, которое желало не победы русскому оружию, а поражения, видя в последнем надежду на изменение к лучшему политической жизни.

Были пораженцы и другого, более одиозного характера, которые намечали после поражения план революционного захвата власти пролетариатом и водворение социалистического царства.

К первой категории принадлежала часть социалистов-революционеров, в том числе часть редакции «Русского богатства».

Ко второй – социал-демократы большевики. Последние работали больше подпольно и за границей. Пораженцы же, социалисты-революционеры, проводили свое мнение в печати и в общественных кругах. Я помню горячие стычки на

этой почве между лицами, прикосновенными к литературе. Многие бывшие друзья, разойдясь во мнениях, сделались из-за этого врагами.

Наконец, среди бывших дипломатов были горячие противники войны с Германией, стоявшие за необходимость возможно скорого ее прекращения; по их мнению, она грозила самому существованию Российского государства. К этой категории принадлежал, между прочим, член Государственного совета барон Р. Р. Розен, бывший русский посол в Соединенных Штатах и в Японии.

Р. Р. Розен был председателем Общества сближения между Россией и Америкой, организованного в Петрограде по моей инициативе в 1915 г. Это Общество ставило своими ближайшими задачами: ознакомление широких кругов русского общества с Северо-Американскими Соединенными Штатами... В этих видах были установлены связи и сношения с американскими учреждениями и обществами, намечалось приглашение лекторов из Америки в Петроград и командировки русских лекторов в Америку.

В течение 1915–1916 гг. Общество устраивало ряд докладов и лекций об Америке. Когда же Соединенные Штаты присоединились к союзникам и выступили в 1917 г.¹, наше Общество организовало в зале городской думы публичное собрание, на котором выступали с речами П. Н. Милюков, М. М. Ковалевский и другие ораторы со стороны России и

¹ США 6 апреля 1917 г. объявили войну Германии.

посол Соединенных Штатов Френсис и коммерческий атташе Хентингтон – со стороны Соединенных Штатов Америки. <...>

Это собрание привлекло до 2000 слушателей, прошло с большим воодушевлением и сопровождалось овацией в честь Соединенных Штатов по случаю их вступления в антигерманский союз.

Конечно, положение председателя нашего Общества делалось щекотливым: он, сознательный противник войны с Германией, был принужден председательствовать на таком собрании... Как человек прямой и в высокой степени корректный – Розен очень скоро вслед за этим собранием на заседании совета нашего Общества заявил, что он считает необходимым отказаться от председательствования в Обществе ввиду своего разногласия с членами совета по вопросу о войне и роли в ней Соединенных Штатов.

Отставка Р. Р. Розена была принята, и его заместителем был избран советом я. В этом же заседании Розен раздал нам свою брошюру о войне, в которой доказывалась горячо необходимость как можно скорее заключить мир с Германией...

При тогдашнем нашем настроении это звучало полным диссонансом, а между тем предсказание Розена о возможной гибели России, не могущей по его убеждению благополучно вынести тяжесть войны, оказалось вещим... <...>

В области общественной деятельности, связанной с войной, мне пришлось поработать с 1915 по 1917 г. на помощь русским военнопленным в Германии и в Австро-Венгрии. Число их увеличивалось по мере развития военных операций и к концу войны превышало миллион. Очень скоро в Россию стали доходить слухи об очень тяжелых физических и моральных условиях их жизни в концентрационных лагерях. С помощью представителей нейтральных держав ужасы положения военнопленных и их нужды были выяснены в подробностях, и наиболее отзывчивые во всех случаях массовых бедствий Союзы земств и городов первые начали широкую организацию помощи военнопленным пищевыми продуктами, одеждой, книгами и пр. . . . Большое число добровольных, конечно, бесплатных, работников отдавало свое время этой работе, и она несомненно давала всем нам, не бывшим непосредственно на фронте, нравственное удовлетворение, особенно когда мы стали получать непосредственно от военнопленных письма с обращением, как сильно улучшилось их положение со времени вмешательства в это дело русских общественных организаций. В общем, к 1917 г. . . . дело это приняло грандиозные размеры: за границей были основаны два крупных агентства, через которые в большинстве шли посылки, письма и пр. Не следует забы-

вать, что один факт отыскания в живых того или другого лица – для его родственников имел громадное значение, а отыскивать их при миллионном числе разбросанных по двум странам пленных требовало обширной, систематически работающей организации. <...>

Война коснулась и меня в том отношении, что пришлось принимать деятельное участие в особом совещании при заведующем отделом снабжения армии – по холодильному делу, пришлось побывать на севере Финляндии для осмотра доставленной туда норвежской сельди для армии и, наконец, посетить и фронт для осмотра складов рыбы для армии. <...>

Поездка в Финляндию зимой, где я посетил несколько городов, была интересна в отношении наблюдения о настроении финляндцев по отношению к русским. Не скажу, чтобы я особенно хорошо знал Финляндию и финнов, но я частенько бывал в Выборге, Гельсингфорсе, любил их порядок, честность и доброе отношение к русским, был благодарен им за приют, который они всегда оказывали политически преследуемым русским писателям и деятелям... равно и за радушие, с которым финны встречали и провожали русских, застрявших за границей и проезжавших в 1914 г. в тяжелых материальных условиях через всю Финляндию, чтобы добраться до Петербурга.

Но с тех пор, как Финляндия наполнилась полками русской действующей армии и военный гнет и произвол вое-

начальников коснулся финнов, когда они познакомились с распущенным русским солдатом, когда вся их мирная нормальная жизнь была нарушена и они стали жить в постоянной тревоге, – отношение их к русским за время какого-либо одного года резко изменилось, и это я почувствовал очень определенно во время своей поездки по Финляндии зимой 1915/16 г. Повсюду только и слышались жалобы на солдат и офицеров, финны сделались скрытными, и прежняя простота нравов, – вроде предоставления на железнодорожных буфетах есть сколько хочется за одну финскую марку и платить при выходе, – исчезла окончательно. И было больно и за русских, и за финнов по случаю такой перемены.

Поездка на фронт летом 1916 г. была для меня не менее поучительной... Осматривая эти гигантские провиантские магазины с громадными запасами всевозможных пищевых продуктов для всепожирающей миллионной армии, я не мог освободиться от впечатления, что все это богатство отобра-но от массы оставшегося в тылу мирного населения, которое рано или поздно ощутит нехватку во всем этом добре. Все это полунасилено изъято из общего обращения и предназначено питать солдат. Что делать? Это необходимость, вызываемая войной, и с ней приходится мириться.

Но вот с чем трудно было мириться – это с бесполезной гибелью этого собранного со всех концов матушки России добра. Между тем я при осмотре складов видел горы подмоченного сахара, риса, сухарей и пр.

Соленая рыба оказалась испорченной вследствие отсутствия соответствующих прохладных помещений для ее хранения, а главное, вследствие слишком длительного пути: вместо 10–14 дней вагоны с ней путешествовали из одного места в другое в некоторых случаях около месяца, и, конечно, качество рыбы пострадало. <...>

Мой обратный путь был уже не из легких: попасть в поезд было чрезвычайно трудно даже и с бумагами ведомства военного снабжения. И когда я наконец добрался до Петрограда, я вздохнул свободно.

А в Петрограде тоже уже назревали события. Они, правда, подготовлялись в течение всего периода войны. Истинным грамофоном хода внутренних событий была Государственная дума, в которой произносились обличительные речи против правительства и придворных интриг и мерзостей – и кем? Самыми заядлыми монархистами, как депутат Пуришкевич, самыми уравновешенными октябристами, как Шидловский...

Скандалные похождения злого Духа дома Романовых Распутина и приобретенная им безграничная власть над мистически настроенной и истеричной царицей, унижительная роль бесхарактерного самодержца – ускоренным темпом приближали катастрофу царской власти. Близкие к трону по родству и преданные монархисты думали спасти Романовых, устранив их злого духа – Распутина... Он был убит; но это только еще больше распространило сведения о скандальных

эпизодах жизни этого авантюриста, переплетенной с жизнью царской семьи. <...>

Нелепые распоряжения городских властей по части снабжения столичного населения пищевыми продуктами и их нехватка послужили первым толчком к резкому недовольству столичного населения, которое начало устраивать демонстрации на улицах. Попробовали его усмирить полицией и солдатами петроградского гарнизона; но оказалось, солдаты неохотно исполняли приказания начальства стрелять в голодную толпу, и в отдельных случаях (казаки) они стали на сторону демонстрантов против полиции. Это дало толчок к тому, чтобы толпа горожан и фабричных рабочих начала громить полицейские участки и избивать полицейских. Один из полков открыто перешел на сторону восставшего народа, и столица очутилась в руках революционной толпы и присоединившихся к ней воинских частей, которые двинулись к Таврическому дворцу, где заседала Государственная дума, и заявили о своей верности Думе. Последняя, таким образом, в силу сложившихся обстоятельств сделалась революционным центром, а председатель Думы – М. В. Родзянко, вероятно, никогда не мечтавший о такой роли, повел переговоры с царем сначала о необходимости образовать новое правительство, ответственное перед Государственной думой, а потом благословил Шульгина и Тучкова ехать в качестве депутатов к царю с требованием его отречения, которое царь и подписал в вагоне, не доезжая до своей столицы.

Мартовские события в Петрограде развивались с такой быстротой, что трудно было за ними следить. Я был все то время в столице и вращался между Таврическим дворцом, который был уже наполовину занят военной стражей и в котором творилась новейшая русская история, и своей квартирой на Петроградской стороне.

Первые дни ходить по улицам было довольно опасно: нередко слышались шальные выстрелы, а иногда свистали пули. Помню, однажды, – дело было на Марсовом поле близ английского посольства, – совершенно неожиданно началась из склада дров на площади пальба, и пули шлепались о стены зданий. Мы едва успели скрыться в здании посольства. Через несколько минут все затихло, я свободно пересек Марсово поле.

Одной из важных функций в это время было распространение текущих сведений. Объединенные газетные репортеры организовали особое издание «Известия Комитета Государственной думы»² (никаких других газет в эти первые дни революции не выходило). Названные «Известия» массами развозились на автомобилях по районам города и разбрасывались по улицам. Из этих «Известий» толпа узнала об отречении Николая II от престола, об аресте его министров, об образовании Временного правительства и т. д.

Я не раз привозил кучу этих «Известий» из типографии

² Речь идет о комитете петроградских журналистов, который 27 февраля начал выпускать газету «Известия революционной недели».

«Нового времени» на Петроградскую сторону в местный комитет.

Между тем здание Таврического дворца заполнялось все больше и больше солдатами и матросами, которые стали себя чувствовать так, как в своих казармах. Усилиями крайних левых создавалось то учреждение, которое потом поглотило все и привело Россию к гибели: Совет рабочих и солдатских депутатов. На скамьях народных представителей и на трибуне заседали серые и черные шинели и закусившие удила социал-демократы – большевики.

Этот Совет начал выпускать приказы по армии и, между прочим, выпустил знаменитый приказ № 1, направленный к ограничению офицерской власти над нижними чинами, явно подрывавший воинскую дисциплину и послуживший первым толчком сначала к вызывающему поведению солдат по отношению к офицерам, а затем к массовому убийству последних во флоте и армии.

Внешне в первое время Совет рабочих и солдатских депутатов был за ведение войны до окончательной победы и как будто хотел идти рука об руку с Временным правительством. Но вскоре он стал действовать самостоятельно и вразрез с действиями Временного правительства и военных властей.

Одновременно в столице началась систематическая и по единому плану ведомая пропаганда и агитация о необходимости немедленного прекращения войны с немцами.

Центром этой агитации был бывший дворец балерины

Кшесинской, что на Петроградской стороне в начале Каменноостровского проспекта. Дворец был занят большевиками, и ежедневно с балкона этого дома произносились речи в указанном направлении.

Мне не раз доводилось проходить мимо этого места, оставаясь и прислушиваться к настроению толпы: она в большинстве случаев была немногочисленна, но неизменно аплодировала ораторам и производила впечатление, что среди толпы есть наемные клакеры; так оно и было, как показали позднейшие расследования.

Все были уверены, что это работа германского Генерального штаба, и общественное мнение требовало впоследствии, когда премьером сделался Керенский, чтобы организаторы и вдохновители этой агитации, направленной против действий правительства и союзников, – Ленин и Троцкий – были арестованы; но Керенский, будучи сам социалистом, считал неудобным арестовать их и тем самым дал им возможность свергнуть его самого вместе с Временным правительством...

Вспоминая настроение, имевшее место в столице после начала «бескровной» революции (март) и до вступления в премьеры Временного правительства Керенского, я могу констатировать, что от радостного и полного надежд оно постепенно переходило в тревожное и у некоторых дальновзорких людей в близкое к отчаянию.

Тревогу вызывали бесконечные и непримиримые раздо-

ры среди патриотически настроенных прогрессивных групп и борьба партий из-за влияния и власти. Этими раздорами ловко пользовались большевики, которые и свалили Временное правительство. Особенно рельефно эти разногласия выступили на созванном Временным правительством Государственным совещании, явившем всю узость партийных претензий (особенно отличились на нем народные социалисты и социалисты-революционеры) и полную неспособность понять надвигающуюся опасность для всего будущего самих прогрессивных партий и России.

Под давлением Совета рабочих и солдатских депутатов, а вернее его руководящих крайних левых главарей, – Временное правительство кн. Львова должно было изменить свой состав: вместо кн. Львова (беспартийный) премьером стал Керенский (эсер); в правительство вошел Скобелев (социал-демократ), Терещенко (беспартийный), заменивший Милюкова, которого «ушли», Прокопович (народный социалист), Гегечкори (социал-демократ)³.

Это свершилось в начале мая 1917 г.⁴, и о том, как себя чувствовали прежние министры, оставшиеся в составе нового Временного правительства, всего лучше можно судить по

³ *Прокопович С. Н.* (1871–1955) – экономист, публицист, масон, стал министром торговли и промышленности, в 3-м коалиционном Временном правительстве – министр продовольствия. *Гегечкори Е. П.* (1879–1954) – меньшевик, депутат III Думы, масон. После Февральской революции член Особого Закавказского комитета Временного правительства.

⁴ В действительности эти перестановки произошли в июле 1917 г.

следующему эпизоду с покойным А. И. Шингаревым, тогда бывшим министром земледелия.

В апреле 1917 г. Андрей Иванович предложил мне поехать в Америку в качестве представителя министерства земледелия в чрезвычайной миссии Б. А. Бахметева⁵ в Соединенные Штаты, и по этому поводу, для получения необходимых бумаг и инструкций, я был у него в министерстве; беседа была в присутствии тов. министра А. Г. Хрущева⁶.

Андрей Иванович был крайне печален и выглядел измученным – и не работой, которой он никогда не боялся, а заботой и тревогой... Машинально подписывая мои бумаги, он сказал следующую, хорошо запомнившуюся фразу: «Как бы вы знали, друзья мои, как на душе у меня тошно!.. Наше дело и будущее России близко к гибели».

То были вещие слова неутомимого борца за свободу и великого патриота своего отечества. <...>

Первые две недели нашего пребывания⁷ в Соединенных Штатах представляли сплошные торжественные встречи, в которых приняли участие десятки тысяч русских и американцев. Начались они с Вашингтона, где все члены миссии собрались и были приняты в палате представителей, сенате,

⁵ *Бахметев Б. А.* – профессор, инженер-меньшевик, тов. министра торговли и промышленности, затем посол России в США.

⁶ *Хрущев А. Г.* (1872-?) – кадет, тов. министра земледелия (март – май), затем тов. министра финансов, член ЦК партии кадетов.

⁷ Миссия прибыла в США в июне 1917 г.

на обедах в Белом доме у президента и часть миссии на обеде у министра иностранных дел.

Наибольший интерес представлял прием в палате представителей, где имел место обмен приветственными речами, причем Б. А. Бахметев очень удачно ответил на приветствие американцев и имел большой успех. По окончании речей все депутаты продефилировали мимо нас, и каждый депутат каждому из нас пожал руку. Затем последовал осмотр достопримечательностей столицы, причем в наше распоряжение были предоставлены автомобили.

Все время нашего пребывания в Вашингтоне нас кормили и поили за счет американского правительства. Одной из неприятных сторон нашего пребывания в американской столице был не в меру усиленный надзор секретной полиции, без которой нам не давали шагу сделать. Полиция почему-то была настроена очень тревожно и ожидала каких-то покушений на нас⁸ <...>

На пристани Battery Place нас встретили русские матросы и русская колония. Было устроено нечто вроде парада, принятого главой миссии. Затем встречал нас городской голова и муниципалитет в городской ратуше. Но наиболее грандиозными были три многотысячных митинга: в Мэди-сон-сквер-Гарден (его устроила русская колония), в Центральном парке (организовало городское управление) и в зале Карнеги (созван политическими организациями).

⁸ Затем миссия прибыла в Нью-Йорк.

На русском собрании не обошлось без выступлений крайних левых, голоса которых, однако, были ничтожны по количеству и качеству и были заглушены сплошной овацией в честь Временного правительства и его миссии.

Много тепла и радушия проявляли американцы в речах на собрании в Центральном парке, где Бахметев, также с большим успехом, держал ответную речь.

На собрании в зале Карнеги, между другими ораторами, выступал бывший президент Рузвельт. Накануне мы с Б. Е. Шацким⁹ посетили Рузвельта в его дачном доме в Ойстер-бей. У меня к нему было рекомендательное письмо от бывшего нашего посла в Соединенных Штатах Р. Р. Розена, находившегося с Рузвельтом в приятельских отношениях и в переписке. Посетили же мы Рузвельта по поводу предполагавшегося к созданию в Америке, параллельно с Обществом сближения между Россией и Америкой в Петрограде, аналогичного общества американско-русского в Нью-Йорке, причем Рузвельт намечался в президенты проектировавшегося общества. Мы хотели получить его условное согласие, если общество организуется.

Этот визит к Рузвельту оставил по себе самое приятное воспоминание, и я попутно скажу о нем два-три слова. Рузвельт произвел на меня сразу впечатление человека прямо-

⁹ *Шацкий Б. Е.* – помощник присяжного поверенного, приват-доцент Петроградского университета, первый специальный эмиссар Временного правительства в Америке, сторонник кадетов.

го, горячего и удивительно живого по натуре. Принял он нас очень просто и радушно; сейчас же распорядился подать русский чай и начал оживленную беседу, конечно, о России и о событиях последнего времени. Искренняя радость по поводу полученных Россией возможностей свободного развития и союза ее с Соединенными Штатами в борьбе против общего врага – немцев была выражена им с особой сердечностью. По его словам, он всегда следил за развитием России и питал большие симпатии к русскому народу. <...>

Наше предложение стать председателем он принял весьма охотно. С своей стороны, он хотел слышать наше мнение по содержанию его речи, которую он приготовил к митингу в Карнеги-холле. Она была написана на машинке, он прочитал ее нам и просил высказаться. Тема была о том, что могут Соединенные Штаты сделать для новой младшей сестры-республики. В речи высказывалась мысль, что Россия богата людьми, энергией и инициативой, чего ей недостает – это средств снаряжения и технического оборудования. По существу, мысль совершенно правильная, что мы ему и заявили, подсказав, помнится, две-три мысли в развитие его тезисов, и встали проститься с ним.

Уже на пороге своего дома-особняка он с живостью сказал: «С каким удовольствием я бы сам пошел на войну, если бы мне дали смешанный полк из удалых русских кавалеристов и американцев!»

Речь свою в Карнеги-холле Рузвельт сказал с большой

страстностью. Он был несомненно природным оратором.
<...>

Раз речь зашла о цели нашего визита к Рузвельту, кстати будет дополнить, что я получил упомянутое поручение образовывать американско-русское общество в Нью-Йорке от петроградского Общества сближения между Россией и Америкой и по поводу возможного кандидата предварительно совещался с известным американским писателем, хорошо знавшим и любившим Россию Джорджем Кеннаном¹⁰, который нам рекомендовал пригласить в председатели Рузвельта как наиболее популярного человека в Соединенных Штатах. <...> Принят был я Кеннаном и его супругой очень радушно... Наша беседа, естественно, вращалась вокруг последних событий в России: Кеннан выразил радость по поводу того, что революция освободила политических ссыльных из Сибири и тюрем. <...>

Кроме Нью-Йорка нас пожелали чествовать Бостон, потом Чикаго, потом еще некоторые города... В Чикаго... всего интереснее было посещение и беседы с славянскими и еврейскими эмигрантами, которые замечательно душевно встретили нашу миссию. Не составили исключение и поляки, которые тогда еще не думали об отделении от России.

Но пришел конец этим торжествам, и мы принялись за работу: а ее было по горло... Вопрос с финансами в это время

¹⁰ *Кеннан Дж.* (1845–1923) – американский журналист и путешественник (был в Сибири, на Кавказе). Эксперт по России при госсекретаре США.

принял благоприятный оборот: правительство Соединенных Штатов организовало новый русский заем в 100 миллионов долларов, которые давали возможность делать заказы. <...> Отдел земледелия был одним из самых скромных по размерам заказов, и все же они выражались суммой свыше десяти миллионов долларов...

Кроме этих заказов, у меня было несколько специальных поручений: подготовить человек 20 техников по холодильному делу, поместив их на практику в соответствующие заводы, и нанять 20 русских рабочих, знакомых с холодильными машинами. Были вызваны желающие отправиться в Россию для работы на оборону в холодных складах; я их экзаменовал, собирал о них необходимые сведения и подходящих отправлял в Петроград. <...>

Надо сказать, что все они ехали на родину с особенным удовольствием и желанием быть ей полезными применением приобретенных в Америке знаний. Со времени мартовской революции эта тяга в Россию русских выходцев в Америке проявлялась в большом масштабе, и многие уехали тогда на родину по своей собственной инициативе и на свои собственные средства. <...>

Я упоминал о поручении образовать в Нью-Йорке американско-русское общество с целями, одинаковыми с русско-американским обществом Петрограда. Эта идея была встречена очень сочувственно американско-русскими кругами Нью-Йорка. Для выработки устава было созываемо два

собрания, на которых текст устава был одобрен, и оставалось созвать инициативное собрание, выбрать президиум и приступить к деятельности. Председатель должен был быть намечен заблаговременно и на нем как-то собрание не могло стовориться: находили, что при демократическом правительстве Вильсона выбирать в председатели общества республиканца Рузвельта значит лишить общество правительственной поддержки, в каковой оно будет, несомненно, нуждаться в своей деятельности. Не находилось ни одного подходящего лица, на кандидатуре которого члены инициативной группы сошлись бы, – и вопрос о председателе повис в воздухе. Отчасти это обстоятельство, а главным образом изменения в ходе политических событий в России, – затормозило дело, и намеченное общество так и не осуществилось...

Летом и в начале осени 1917 г. из Петрограда стали доходить очень тревожные вести: борьба за власть крайних левых со Временным правительством разгоралась с каждым днем: армия начала разваливаться, Московское совещание с ярким патриотическим порывом и овацией в честь Корнилова как будто давало некоторую надежду на спасение положения; дальнейший ход событий – с походом Корнилова на Петроград и арестом его по распоряжению Керенского – усилил общую тревогу и указывал на крайнюю грозность положения.